

ЯЗЫК КАК ЗНАКОВАЯ СИСТЕМА И ЦЕННОСТЬ ОБЩЕНИЯ

Крюков В.В.

Новосибирский государственный
технический университет,
Новосибирск, Россия

krukovzav@mail.ru

В статье рассматривается фундаментальная роль языка в общении с позиций аксиологического аспекта теории коммуникации. Целью работы является стремление показать, что речь как воплощение языка есть ценность, т. е. продукт деятельности как поколений людей некоторой культуры в филогенезе, так и отдельного человека в онтогенезе. Язык представляет собой систему знаков. Он является средством человеческого общения и мыслительной деятельности, способом выражения самосознания личности, средством хранения и передачи информации. Языковое поведение связано с историей и культурой человечества, с обществом в его актуальном бытии. Это процесс речевого личностного или группового общения, который воплощается в поступки, действия людей, модусы их поведения, феномены сознания в формах мышления.

Речь, безусловно, есть ценность. Стать образованным человеком, интересным собеседником, достойным любви партнером, заслуживающим уважения другом, профессионалом в своем деле – всё это большая работа. Талант – это труд, гений – это труд и еще раз труд. Это закон аксиологии: *достоинство человеческой личности определяется совокупными усилиями, общими и индивидуальными, затраченными на формирование этой личности и на самореализацию накопленного ею духовного богатства*. Внутренний мир человека лишь в очень малой степени выражается внешне: в мимике лица, в глазах как зеркале души, в одежде и манере поведения. В главном своем содержании душа человека раскрывается в *общении*.

Ключевые слова: язык, речь, знак, знаковая система, авторефлексивное отношение, общение, ценность.

DOI: 10.17212/2075-0862-2016-4.1-78-85

Философии языка посвящены труды Э. Сепира, Ф. де Соссюра, И.Л. Бодуэна де Куртене, Р.О. Якобсона, Н.Ф. Яковлева, Р. Барта, М.М. Бахтина, Ю.М. Лотмана, В.И. Тюпы, Н.В. Вахтина и др. Теория отечественного мыслителя Н.С. Трубецкого сложилась под влиянием Ф. де Соссюра, И.А. Бодуэна, а остальные указанные авторы, в свою очередь, опирались на идеи Н.С. Трубецкого.

Теория Филиппа де Соссюра характеризуется двумя аспектами: семиологическим и лингвистическим. В первом аспекте исходную роль играет концепция произвольности знака, что согласуется с теорией парадокса и теорией криптиптипа. Во втором аспекте видится дихотомия языка и речи. Если принять за основу положение о произвольном характере знака, то можно предположить, что большее развитие по-

лучили бы семиологические идеи Соссюра [8, с. 99, 100].

Язык представляет собой систему знаков, служащую средством человеческого общения и мыслительной деятельности, способом выражения самосознания личности, средством хранения и передачи социальной информации. Языковое поведение связано с историей человечества, его культурой и обществом в его актуальном бытии. Это процесс речевого личностного или группового общения, который воплощается в поступки, действия людей, модусы их поведения, феномены сознания в формах мышления.

Знаки группируются по своим функциональным признакам и образуют знаковые системы. Самые древние и функционально универсальные – язык как коммуникативная система и речь как средство непосредственного общения. Вариантов таких систем очень много: в настоящее время имеют место несколько десятков тысяч *живых* разговорных языков, да еще в каждом из них множество диалектов. Так, в России говорят на русском языке, но даже собственно русские говорят по-разному: волгари «окают», уральцы «екают», сибиряки «чокают», а «масквичи» – «акают», и т. п.

Помимо живых языков было и частично остается огромное число *мертвых* языков. Это латынь и древнегреческий, санскрит и древнеславянский. На них не говорят вообще или говорят узкие профессиональные группы (на латыни – католические священники, на старорусском – православные батюшки), однако и они не вышли из употребления. И в речи в целом, и в языке науки, и в лексиконе философии сохраняется множество корней древних языков в составе специальных терминов.

Добавим к сказанному, что изобретались *искусственные* языки, такие как *воляпюк*, *идо* или *эсперанто*. Преследовалась благая цель: создать язык международного общения, чтобы не осваивать десятки языков, а каждому человеку владеть только двумя – своим родным и международным. Не получилось, а жаль. Хотя по всему миру существуют, к примеру, клубы эсперантистов. Любители эсперанто разговаривают на нем, издают книги, переписываются.

Знаки – это репрезентанты вещей. Если слово «презентация» переводится как предъявление, демонстрация, то префикс «ре» означает «вновь», «еще раз». Когда мы показываем кому-нибудь не саму вещь, а то, что ее заменяет и представляет, мы используем знак. В науке о знаках – *семиотике* (от *греч.* *sema* – признак, указатель) есть базовое определение: *знак есть вещь, которая замещает собой другую вещь*. Именно в этом смысле мы говорим, что знак есть превращенная, вторичная форма вещи.

Зачем нужны знаки? В «Путешествиях Гулливера» Джонатана Свифта есть замечательный эпизод, когда Лемюэль Гулливер попадает на летающий остров Лапута. Там он кроме всего прочего знакомится с группой философов-скептиков, которые ведут борьбу с двусмысленностью и даже многозначностью языка. К примеру, когда мы произносим слово «коса», то о чем, собственно, идет речь? Что это? Вид девичьей прически? Орудие для заготовки сена? Далеко выдающийся в море узкий мыс? Или, представьте, приходим мы в присутственное место, а секретарша заявляет: начальника нет и не будет! Как это понимать? Кто же тогда руководит департаментом? Смысл слов и выражений выявляется в контекстах, но вот лапутянские скептики затеяли решать проблему радикально. Они предло-

жили вообще отказаться от слов и молча показывать пальцем на нужную вещь или же предъявлять ее собеседнику в натуральном виде, «живьем». Привело это к тому, что скептические философы сначала набивали себе всяческими вещами карманы, потом стали таскать за спиной котомки и в руках торбы с различными предметами, но дальше потребовались тележки и, наконец, целые возы всякого барахла. А как быть, если то, о чем мы хотим что-нибудь сообщить, неподъемно и нетранспортабельно, находится далеко или осталось в прошлом и сейчас уже исчезло? Что предъявлять? Конечно же, Свифт как сатирик шаржировал ситуацию, но философы-скептики действительно существовали в Древней Греции, к примеру – Пиррон. Однако до таких крайностей, как лапутяне, греки не доходили.

Между тем скептики кое в чем правы. Если всякий знак есть заместитель вещи, образно говоря – «выступает от ее имени и по ее поручению», то вполне можно утверждать, что исходным в происхождении знаков является *автосемиотическое* отношение, а именно: *всякая вещь является знаком самой себя*. Действительно, если в витрине магазина мы видим шляпы, то понимаем, что это магазин головных уборов, и в нем можно купить и шапку, и кепку, и панаму. Если на трассе мы видим на обочине установленный на постаменте разбитый автомобиль, то сообразим, что надо сбросить скорость на опасном участке дороги. Знаки изобретают тогда, когда автосемиотическое отношение трудно или вообще невозможно реализовать. Тогда люди создают новые вещи, единственное предназначение коих – представлять, репрезентировать вещи первого рода, которые мы не можем *имати*, т. е. иметь как таковые, но о которых

мы получаем возможность *знати*, т. е. иметь о них представление. Соотнеся первые со вторыми, мы сможем *понимати*, о чем идет речь.

В качестве знаков можно использовать все что угодно: звуки, изображения, запахи, жесты, но наиболее употребительны в качестве знаков специально созданные и хорошо приспособленные для решения задач коммуникации, т. е. общения, обмена знаками, – *символы* (от греч. *symbolon* – знак, отличие). Символ не является частью предмета, как *знаки-признаки*, скажем, следы на земле или отпечатки пальцев рук на поверхности вещей, хотя именно такие знаки особо интересуют криминалистов. Символ не является «портретом» вещи, как *знаки-образы*: рисунки, картины, фотографии, исполняемые актерами роли, изображаемые жестами артистов пантомимы предметы. Символ есть нечто исключительно условное, отношение чего к предмету, к первичной вещи устанавливается чисто конвенционально (от лат. *conventia* – соглашение). Мы просто сговорились – и все с этим согласились, что знак \$ означает доллар, знак & заменяет союз «и», а знак % выражает процент или сотую долю некоторой величины [7, с. 63, 64].

На принципиально новый уровень выходит язык как знаковая система тогда, когда появляется письменность. Современная нам письменность возникла совсем недавно, при переходе от варварства к цивилизации. Причем на примере письменности очень хорошо можно проиллюстрировать эволюцию языка. Так, самый древний вид письменности – пиктограмма (от лат. *pictus* – краски и греч. *grapho* – пишу), т. е. рисунчатое письмо. Пример из современности – это комиксы, а древние люди изображали на стенах пещер сцены охо-

ты и животных, которых предполагали добыть. Но пиктографическое письмо крайне трудоемко и малоэффективно: писать приходится долго, а сказать получается мало. Тогда изобрели идеографическое (от греч. *idea* – образ и *grapho* – пишу) письмо, в котором использовались сокращенные картинки. Современные примеры – это условные изображения стоящего или идущего человека на пешеходном светофоре, выбегающего человечка на выходе или же человеческих фигурок в костюме или платье на всем известных и нужных дверях.

Но и сокращенные рисунки малоэффективны. Им на смену приходит иероглифическое (от греч. *hieroglyphoi* – буквально *поверх камня*: оттиски, письмена) письмо, названное так потому, что восходит к печатям. Сейчас нам известны китайские или японские иероглифы, в которых еще сохраняется некоторое портретное сходство с оригиналом. Так, иероглиф «жилище» напоминает фанзу, а иероглиф «дерево» похож на ствол с кроной, причем повторенный дважды он уже означает «лес». Но и такое письмо трудоемко, ведь грамотному китайцу, к примеру, нужно запомнить несколько тысяч иероглифов, а с клавиатурами вообще беда!

Примерно четыре тысячи лет тому назад легендарный и полумифический финикийец по имени Кадм изобрел фонетическое (от греч. *phone* – звук, голос) письмо, в котором буквами изображались отдельные звуки. У Кадма буква «α» обозначала первый звук в слове «алеф» – бык, а «Δ» – первый звук в слове «делеб» – вход в палатку, и сами знаки похожи на те вещи, к которым относятся. Когда же алфавит Кадма заимствовали греки, то сходство утраилось и буквы получили условные названия «альфа» или «дельта». Ну, а когда уси-

лиями Кирилла и Мефодия эти знаки, как и другие, попали в славянскую азбуку, то ни о каком портретном сходстве с быком или палаткой не было уже и речи: буквы целиком превратились в символы [Там же, с. 64, 65].

Стать образованным человеком, интересным собеседником, достойным любви партнером, заслуживающим уважения другом, профессионалом в своем деле – всё это большая работа. Талант – это труд, гений – это труд и еще раз труд. Это закон аксиологии: *достоинство человеческой личности определяется совокупными усилиями, общими и индивидуальными, затраченными на формирование этой личности и на самореализацию накопленного ею духовного богатства*. Внутренний мир человека лишь в очень малой степени выражается внешне: в мимике лица, в глазах как зеркале души, в одежде и манере поведения. В главном своем содержании душа человека раскрывается в общении. Мудрый Сократ, вступая в беседу с человеком, предлагал: «Заговори, чтобы я тебя увидел!». Изначально «общение предшествует формированию человеческой личности... и, выражаясь категорически, является сущностью личности» [6, с. 122].

Даже любовь как высшая ценность человеческого общения есть результат не первого взгляда, а длительной взаимной настройки, чтобы в итоге получился унисон, созвучие множества слагаемых: близости физической, нравственной, интеллектуальной, житейской, родственной и много чего еще, что не падает с неба и не дается даром, а является продуктом длительной и напряженной работы друг над другом и каждого над собой. У индусов есть прекрасное слово «сангам», означающее «слияние» наподобие слияния вод великих рек Инда и Ганга. Когда две личности образуют

единство и целостность, тогда достигается высокая ценность общения.

Во время речи мы сразу и даже бессознательно можем идентифицировать собеседника, мысленно отправив его в ту или иную социальную группу. Также во время речи, даже при первых словах, мы прекрасно понимаем, из города человек или из сельской местности, из какого конкретного города, какое имеет образование, общительный или «зажатый», краснобай или косноязычный. Иногда по языку можно определить и профессиональную принадлежность человека. Если он говорит «приговор», «обыска» и «срока», то это «прокурорский»; если «принять» и «начать» – это чиновник. Выделяют даже «мужской» и «женский» языки, поскольку известно, что стили мужской и женской речи различаются. Женщины могут говорить быстрее, больше и образнее, чем мужчины. Женщины могут глотать окончания, а мужчины проговаривать их акцентированно. Женщины могут говорить с особой «томной» интонацией, мужчины, наоборот, могут «рубить сплеча». Важно здесь даже не то, что такие различия в мужском и женском стилях существуют в конкретном языке на самом деле: важно то, что существует убеждение, что якобы женщины и мужчины говорят по-разному. При этом такие различия – вещь совершенно необязательная, не предписанная категорически к исполнению.

Существуют теории, которые говорят об общественной природе языка, например известная гипотеза Сепира Уорфа, коррелирующая сознание человека и его язык, на котором он разговаривает с детства. Согласно многим подходам вообще и этой гипотезе в частности, человек ведет себя в обществе так, как устроен его

язык. В русле этой гипотезы лежит и позиция французского социолога, философа, лингвиста Ролана Барта, который писал: «Язык диктатор, потому что диктует, что говорить, или: говорить значит подчиняться». В теории Барта язык и речь определяют поведение человека. Эти теории признают первичность языка в истории человечества и рассматривают язык как орудие мышления.

Есть и теории, проводящие мысль о том, что и языковые структуры определяются более глубокими факторами. Эти факторы могут быть различны. Для Д. Хаймса, например, таким фактором является культура. По его мысли, культура определяет язык. Для философа Альгирдаса Жюльена Грэймаса это набор некоторых абстрактных структур сознания. Для Н. Хомского и Д. Бикертонна это биологические врожденные модели, с которыми каждый человек рождается. Эти не зависящие ни от языка, ни от общества факторы определяют как общество, так и язык (цит. по [4, с. 218, 221]).

В рамках данного подхода лежат представления Н.С. Трубецкого о роли языка в истории человечества. Он говорит о взаимодействии языка и культуры народов, языка и общества. В работе «Вавилонская башня и смешение языков» ученый пишет: «Стремление к уничтожению многообразия национальных культур, к созданию единой общечеловеческой культуры практически всегда греховно. Оно ведет к установлению того состояния человечества, которое Священное Писание изображает как непосредственно предшествовавшее вавилонскому столпотворению, и это состояние неминуемо должно привести лишь к новой попытке постройки вавилонской башни. Всякий интернационал не случаен, а по существу безбожен,

антирелигиозен и полон духом человеческой гордыни. В этом главный и основной грех современной европейской цивилизации» [10, с. 133].

Люди не могли ничего производить, не вступая в определенные связи, не передавая друг другу опыт, унаследованный от предков, и свой личный опыт, полученные в процессе труда знания и умения. Именно на этой основе возникает потребность в более совершенных знаках, понятиях, представленных в форме слов, рисунков, ритуалов – так возникают человеческие языки и речевая форма общения. *Язык* – это система знаков, служащих средством общения между людьми, инструментом мышления и выражения мысли. Речь – это материализация мысли. Мысль, облеченная в язык и оформленная в речь, есть специфически человеческое средство фиксации, хранения и передачи социальной информации.

Человеческая речь, как и речевой аппарат, является результатом длительного исторического развития. Язык и сознание существуют в единстве и неразрывной связи. Язык выступает средством общения между людьми, средством обобщения и логического анализа. Язык есть непосредственная действительность мысли. Слово – это материальная и, следовательно, доступная для восприятия форма передачи мыслей, но слова могут выражать мысль только в логически стройной системе. Речь – это наиболее распространенная и естественная в историческом смысле форма бытия сознания. По мере развития абстрактного мышления язык становится более разнообразным и одновременно более формализованным.

Наконец, именно язык формирует человеческую *самость*. В языковых фор-

мах человек мыслит, отдает себе отчет в том, что делает, думает, чувствует, осознает себя как личность. Самосознание – это осознание человеком своих действий, чувств, мыслей, мотивов поведения, интересов, своего положения в обществе. Самосознание формируется во взаимодействие человека с другими людьми, с миром природы и миром культуры через его практическую деятельность. Вместе с тем человек осознает себя не только посредством других людей, когда, по выражению Людвиг Фейербаха, «Человек Петр смотрится как в зеркало в человека Павла, и потому к самому себе он относится как к человеку». Он посредством ценностей материальной и духовной культуры, в которых также видит самого себя, находит воплощение и овеществление своих жизненных потребностей и духовных устремлений [7, с. 147].

Самосознание тесно связано с рефлексией. *Рефлексия* – это способ человеческого мышления, направляющий его на осмысление и осознание собственных форм, предпосылок, предметного рассмотрения своего «Я», критический анализ его содержания и продуктивный синтез целей и ориентиров своей духовной эволюции как завершение складывающегося духовного мира человеческой личности. Самосознание – это не духовное зеркало; это ответ на вызов общественных условий жизни, которые требуют от каждого человека умения оценить свои поступки, слова, мысли с точки зрения определенных социальных норм. Жизнь своими строгими уроками требует от человека умения осуществлять самоконтроль и саморегулирование своего внешнего поведения и внутренних переживаний и размышлений. Попросту *быть собой*.

Литература

1. Бюлер К. Теория языка: репрезентативная функция языка. – М.: Прогресс, 1993. – 342 с.
2. Выготский Л.С. Мышление и речь. – М.: Лабиринт, 2005. – 352 с.
3. Гладкова Г., Ликоманова И. Некоторые раздумья над языковой ситуацией // Вопросы языкознания. – 2007. – № 6. – С. 73–96.
4. Кацнельсон С.Д. Общее и типологическое языкознание. – Л.: Наука, 1986. – 298 с.
5. Коробов А.А. Философия языка и язык философии // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. – 2014. – № 1. – С. 75–80.
6. Крюков В.В. Общение как субстанция личности // Личность в диалоге: сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции, Хабаровск, 17–18 февраля 2009 г. / под ред. Е.Н. Ткач. – Хабаровск, 2009. – С. 122–128.
7. Крюков В.В. Философия: учебник для студентов технических вузов. – 3-е изд., испр. и доп. – Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2013. – 212 с. – (Учебники НГТУ).
8. Кузнецов В.Г. Ф. де Соссюр и женеvская школа: от «языка» к «речи» // Вопросы языкознания. – 2007. – № 6. – С. 97–115.
9. Тарасов Г.Ф. Язык как средство трансляции культуры // Язык и культура. – М.: Наука, 2000. – С. 45–67.
10. Трубецкой Н.С. Вавилонская башня и смешение языков // Наследие Чингисхана. – М.: Аграф, 2000. – С. 131–145.
11. Трубецкой Н.С. Избранные труды по филологии. – М.: Академия, 1987. – 521 с.
12. Уорф Б.А. Отношение норм поведения и мышления к языку // Новое в лингвистике. – М., 1960. – Вып. 1. – С. 135–168.

LANGUAGE AS A SEMIOTIC SYSTEM AND COMMUNICATION VALUE

Kryukov V.V.

Novosibirsk State Technical University,
Novosibirsk, Russian Federation

krukovzav@mail.ru

The article considers the fundamental role of language in communication from the axiological aspect of communication theory. The aim is to show that speech, as the embodiment of the language, is a real value or a product of activities of generations of a certain culture in their phylogenesis as well as of an individual in ontogenesis. Language is a system of signs, which serves as a means of human communication and mental activity; the way of expressing self-consciousness; a means for storing and transmitting social information. Linguistic behavior is connected with the history of mankind, its culture, and the actual existence of the society. The process of individual and group speaking is embodied into the actions of people, modes of behavior, and phenomena of consciousness into the forms of thinking.

Speech, undoubtedly, has value. To become an educated man, an interesting interlocutor, a partner worthy of love, a respectable friend, a professional – all of these is great work. To have a talent means to work, to be a genius means to work again and again. This is an axiological law: *the dignity of a human personality is defined by joint efforts, made by a community and an individual him/herself, who have formed identity of a person and helped to self-actualize his/her accumulated spiritual wealth*. The inner world of a person is only slightly expressed externally: in facial expressions, in the eyes as a mirror of soul, in clothes and demeanor. Mainly, a soul is revealed in the dialogue.

Keywords: language, speech, sign, sign system, auto-semiotic relations, communication, value.

DOI: 10.17212/2075-0862-2016-4.1-78-85

References

1. Bühler K. *Sprachtheorie: die darstellungsfunktion der sprache* [Language theory]. Jena, G. Fischer, 1934 (Russ. ed.: Byuler K. *Teoriya yazyka: reprezentativnaya funktsiya yazyka*. Moscow, Progress Publ., 1993. 502 p.).
2. Vygotskii L.S. *Myslenie i rech'* [Thought and speech]. Moscow, Labirint Publ., 2005. 352 p.
3. Gladkova G., Likomanova I. Nekotorye razdum'ya nad yazykovoi situatsiei [Some thoughts on the language situation]. *Voprosy yazykoznanija – Questions of linguistics*, 2007, no. 6, pp. 73–96.
4. Katsnel'son S.D. *Obshee i tipologicheskoe yazykoznanie* [General and typological linguistics]. Leningrad, Nauka Publ., 1986. 298 p.
5. Korobov A.Ya. *Filosofiya yazyka i yazyk filosofii* [Philosophy of Language and Language of Philosophy]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta – Bulletin of the Moscow State Regional University*, 2014, no. 1, pp. 75–80.
6. Kryukov V.V. [Communication as an substance of personne]. *Lichnost' v dialoge*. sbornik nauchnykh trudov po materialam Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii [Personality in the dialogue: a collection of scientific papers on the materials of the International scientific-practical conference], Khabarovsk, 17–18 February 2009, pp. 122–128.
7. Kryukov V.V. *Filosofiya* [Philosophy]. 3rd ed. Novosibirsk, NSTU Publ., 2013. 212 p.
8. Kuznetsov V.G. F. de Sossyur i zhenevskaya shkola: ot “yazyka” k “rechi” [Ferdinand de Saussure and the Geneva school: from the “language” to “speech”]. *Voprosy yazykoznanija – Questions of linguistics*, 2007, no. 6, pp. 97–115.
9. Tarasov G.F. Yazyk kak sredstvo translyatsii kul'tury [Language as a means of broadcasting culture]. *Yazyk i kul'tura* [Language and culture]. Moscow, Nauka Publ., 2000, pp. 45–67.
10. Trubetskoi N.S. Vavilonskaya bashnya i smeshenie yazykov [The Tower of Babel and the confusion of languages]. *Nasledie Chingiskhana* [The Legacy of Genghis Khan]. Moscow, Agraf Publ., 2000, pp. 131–145.
11. Trubetskoi N.S. *Izbrannye trudy po filologii* [Selected works on Philology]. Moscow, Academia Publ., 1987. 521 p.
12. Whorf B.L. The relation of habitual thought and behavior to language. *Novoe v lingvistike* [New in linguistics]. Moscow, 1960, iss. 1, pp. 135–168. (In Russian)